

«Чтобы повысить плодородие почвы, я сам десятки тонн земли мешками переносил...»

В чем феномен научного подвига и жизненной позиции академика Петра Ивановича Никончика

ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА НАН Беларуси, доктора сельскохозяйственных наук, профессора Петра Ивановича НИКОНЧИКА с 80-летним юбилеем вчера торжественно поздравил коллектив [РУП «Научно-практический центр НАН Беларуси по земледелию»](#).

Международным биографическим центром в Кембридже его имя внесено в книгу 2000 выдающихся ученых современности. Член-корреспондент НАН Беларуси, доктор сельскохозяйственных наук, профессор и сегодня, в свои 80 лет, «горит наукой»! Вчера он принимал поздравления в честь юбилея от коллег, близких, друзей.

Нашему АПК Петр Иванович НИКОНЧИК посвятил полвека. Это не считая учебы в Марьиногорском сельхозтехникуме и Белорусской государственной сельскохозяйственной академии, которые окончил с отличием, а также 4-х лет работы агрономом в колхозе «Перамога» Руденского района. По сути, тогда и началась его научная деятельность.

О послевоенном студенчестве, земледелии и своей счастливой судьбе профессор рассказал корреспонденту «БН».

— Уважаемый Петр Иванович! От имени всего коллектива и от меня лично примите самые искренние и теплые поздравления со знаменательной юбилейной датой, — вот слова из приветственного адреса, подписанного генеральным директором НПЦ Федором Приваловым. — Ваша жизнь — яркий пример целеустремленности в научных поисках, преданности родной земле, служения народу. Позвольте выразить вам огромную благодарность за ваш неоценимый вклад в развитие отечественной аграрной науки, пожелать крепкого здоровья, долгих лет жизни, неиссякаемой творческой энергии и успехов в дальнейшей работе на благо сельскохозяйственной науки!

— Петр Иванович, почему выбрали такой нелегкий хлеб — ученого в области земледелия? Все-таки время было непростое — в воздухе еще пахло войной, повсюду была разруха. Люди больше думали о куске хлеба, чем о науке.

— Конечно. Вместе с тем, когда закончилась война, многие стремились получить образование. И я хотел учиться. Родом из крестьянской семьи: отец, дед, прадед были земледельцами. Поэтому и встал на такую стезю. Да и выбирать особо было не из чего, как и многим моим сверстникам. В 10—12 километрах от деревни Слобода Пуховичского района, где я родился и вырос, был Марьиногорский сельскохозяйственный техникум. Туда и поступил. Зато недалеко было, домой прибегу, возьму картошки, хлеба — уже не голодный. В БСХА отправили по направлению в 1952 году, как отличника, зачислили без экзаменов. Когда получил красный диплом, направили на Молодечненскую опытную станцию: тогда всех выпускников направляли на производство — в колхозы, совхозы, а отличникам разрешали работать в научно-исследовательских учреждениях. Но в Молодечно проработал меньше года — почти самовольно ушел оттуда, хотя уговаривали остаться. А я настраивался поступать в аспирантуру. Но очень правильно уже тогда мыслил, что прежде надо хотя бы немного поработать на производстве, чтобы понимать и знать, для чего эта наука нужна. Пошел на работу в колхоз «Перамога» Руденского района, сейчас это Пуховичский район. Первую посевную и обедать не ходил, так увлекся процессом. Ночи напролет — возле

тракторов. И уже настолько привык к этой работе, что стал сомневаться, нужна ли мне аспирантура: результаты исследований видны не хуже, чем в науке.

— Что же вы исследовали на колхозных полях?

— Сразу же взялся за севообороты. Чего греха таить: был просто хаос, и по этой причине — большой недобор урожая. Навел порядок на колхозной земле — ситуация значительно улучшилась. Потом после долгих раздумий все же решил учиться дальше. Написал в аспирантуру Белорусского НИИ земледелия автореферат «Севообороты колхоза «Перемога», и меня зачислили. Попал в лабораторию под началом профессора Петра Ефимовича Прокопова, который потом долго работал начальником управления науки Минсельхозпрода. Он дал мне тему по промежуточным культурам, и я изучал ее в Калинковичском районе на экспериментальной базе «Липово», на легких почвах. Защитил кандидатскую диссертацию, и после окончания аспирантуры в 1963 году Прокопов оставил меня старшим научным сотрудником в отделе земледелия. А спустя год институт перенесли в Жодино. Было указание Хрущева, что сельхозинституты должны находиться минимум в 50 километрах от города. Кстати, считаю это решение правильным. Мы были в Минске, а наши опыты или в «Липово» Калинковичского района, или в «Устье» Оршанского. От зимы до зимы по командировкам: пахать — надо ехать, сеять — тоже, убирать урожай — опять в дорогу. Все лето в разъездах. Да и не работа это — вдали от посевов. А в Жодино перевели — на месте и опыт заложили, и жилье получили — трехкомнатную квартиру на троих: я только обзавелся семьей, родилась дочка. Надо сказать, в те времена урожаи были низкие, экономика слабая, но построили целый городок: дома, административный корпус, столовую, магазины, детский сад.

— Совмещать молодую семейную жизнь и научную деятельность, наверное, было не просто?

— Относительно молодую: женился я старым холостяком — в 32 года! Надо же было кандидатскую диссертацию писать. Думал: женюсь, дети пойдут — не до науки будет!

— Что за опыт заложили, переехав в Жодино?

— Различные типы и виды севооборотов с разной структурой для хозяйств разной специализации: по производству молока, свинины, говядины, и при разных системах и уровнях удобрений. В нынешней схеме наш стационарный опыт действует более 30 лет. Черпаем много информации, особенно по плодородию почв, что сегодня наиболее актуально. Ранее разрабатывались севообороты для многоотраслевых хозяйств, потому что колхозы таковыми и были. А где-то с 1975 года начался процесс перехода колхозов к определенной специализации. Строили крупные животноводческие комплексы, откормочники КРС — на 5, 10 тысяч голов, свинокомплексы на 12, 24 тысячи. Это повлекло за собой специализацию в растениеводстве. Мы стали создавать кормовые севообороты около комплексов. Необходимо было в свиноводческих хозяйствах и удаленные поля во всех колхозах в целом насытить зерновыми культурами. Но это могло привести к обострению фито-санитарной обстановки — болезням растений, появлению вредителей, сорняков, как следствие — к резкому снижению урожайности. Поэтому возникла необходимость разработки специализированных севооборотов — с тем, чтобы сохранить хорошие биологические условия для почвы.

Еще одно направление — я и кандидатскую писал на эту тему — применение промежуточных культур. Если мы получаем с поля только один урожай в год, то используем лишь около 75 процентов агроклиматических ресурсов. Убрали урожай, дожди идут, еще тепло, а поле пустует, сорняками зарастает. Возник вопрос, как заполнить эту «форточку», чтобы земля была покрыта культурными растениями от снега до снега.

Изучаем и сочетание севооборотов с системами удобрений. К примеру, у нас сегодня на многих комплексах применяется бесподстильное содержание животных. Навоз жидкий, полужидкий, а не солоmistый, как был когда-то. Хотя это и сегодня — эталон. А хозяйства теперь крупные, порой от фермы до поля — 15—20 километров. Туда органику не повезешь, накладно. Но тогда снижаются гумус в почве, плодородие. Нашей задачей было за счет самих растений, их структуры сделать так, чтобы и урожай был высокий, и не снижалось, а даже повышалось плодородие почвы, в том числе содержание в ней гумуса. И мы такой оптимальный севооборот нашли, он успешно внедряется в хозяйствах. Разные культуры за счет корней поставляют в почву разное количество органического вещества. Кроме того, традиционные севообороты были дорогими, их

надо было удешевить. Наши исследования показывают, что за счет оптимизации многолетних трав — замены злаковых бобовыми — можно в севообороте на 40 процентов и более снизить применение минерального азота.

— Петр Иванович, над чем сейчас работаете?

— Продолжаем разрабатывать ресурсоэнергосберегающие системы использования земли на базе оптимизации структуры посевных площадей, системы севооборотов и их сочетания с системами удобрений и защиты растений. Главное звено — севооборот. То есть мы должны усовершенствовать систему использования земли для хозяйств разной специализации. Успешно внедряется наша совместная разработка с Институтом почвоведения и агрохимии — так называемые контурно-экологические севообороты во времени. Раньше применяли восьмипольный севооборот. Нарезали 8 полей, и, согласно написанной схеме, все культуры должны были по ним «ходить» по кругу. На каждом поле — одинаковое чередование. Такая система плохо внедрялась. На коллегии Минсельхозпрода вызывали агрономов хозяйств, объявляли им выговоры, штрафовали, снимали с работы, хотя практики были правы. Получалось, что по схеме надо сеять рожь, а рельеф низкий, почва переувлажненная. Что там вырастет? А вот для травы это поле пригодно. Поэтому пришли к тому, что нужен севооборот культуры во времени для каждого поля отдельно. Изучаем природные свойства почвы и на основе этого подбираем пригодные для нее культуры. А опытов у нас проведено много в разных областях. Агрономы колхозов говорили на совещаниях: наконец наука прозрела. Хотя поначалу в этом усматривали развал севооборотов. А потом осознали. Теперь это общепризнанное направление.

— Петр Иванович, на ваш взгляд, какие недостатки и проблемы есть сегодня в земледелии?

— Снижение гумуса в почве: по всей республике отрицательный баланс. Этого нельзя допускать.

— А почему снизилось его содержание?

— До 1990 года на поля вносили по 80—85 миллионов тонн торфа. Обильно подстиляли им скот — коровы лежали на подушках. Полежат неделю максимум, бульдозер выгребают органику, и следующую партию завозят. За счет торфа вносили по 12—14 тонн удобрений на гектар пашни. Сегодня вносится 6 тонн на гектар и не того качества. А для положительного баланса гумуса надо минимум 10—12 тонн. Можно было за счет структуры посевных площадей восполнить, но она пока в производстве хромает. Главный недостаток — неудовлетворительная структура многолетних трав. Клеверов мало из-за того, что семеноводство их сложное. Но ведь возможное: у нас же для опытов всегда есть семена. На колхозных же полях преобладают злаки. Конечно, если их часто запахивать, то гумус будет поддерживаться, но не держать же эти культуры на одном поле по 4 — 6 лет кряду! Кроме того, расширили значительно посевы кукурузы, а под ней гумус горит. Навоз жидкий, и его мало, да и тот иногда вносят только вокруг комплексов. А до удаленных полей довозят редко. И еще. Часто запахивают солому, якобы удобряя почву. А никаких научных данных на этот счет нет. Специалисты примитивно считают, что если солома — органическое вещество, то заменит навоз. Но это совершенно разные вещи. В соломе почти нет азота. Микроорганизмам ее надо разлагать, чтобы строить свое тело. А микроб — это белок, он сам из азота, поэтому берет его из гумуса почвы, не найдя в соломе. В некоторых хозяйствах, к примеру, измельчают солому, смешивают с жидким навозом. Но далеко не всюду: видите ли, дорого за 3—5 километров подвезти на ферму сухую солому. А жидкий навоз, разбавленный водой минимум в 4 раза, возить не дорого!

Словом, севооборотную тематику надо расширять и сотрудничать с [Институтом почвоведения и агрохимии](#). А у нас сейчас всего 6 человек в лаборатории севооборотов. И только трое из них — кандидаты наук, мои ученики. Глубина исследований ухудшилась: лишь бы посеять да убрать, урожай определить. А вот изучить плодородие почвы недосуг.

Когда я начинал работать, в отделах было по 8—9 кандидатов наук. А теперь единицы. Нет и докторов наук молодых. Все почти мои ровесники. НПЦ по численности сотрудников стал вдвое меньше, чем когда переводили в Жодино. Причины известные — нет жилья, зарплаты низкие. Уже который год недобор в аспирантуру. Я когда поступал, конкурс — 5—6 человек на место, было из кого выбирать. Поэтому сегодня и ученые бывают посредственные, а надо, чтобы человек наукой «горел»!

— **Вы вот точно горите до сих пор!**

— И душа горит: нет у молодежи нашего стремления и запала. К примеру, сегодня при разработке тем и защите диссертаций надо учитывать экологию, а у них и данных нет — мало людей в лабораториях. Мы же никого не ждали, не жаловались, что некому для нас информацию добывать. Я сам десятки тонн земли мешками переносил — отмывал через сита, корни растений изучал. Под 37 культурами определил урожай корней, чтобы плодородие почвы повысить. Таких исследований в Союзе не было. Минимум пять прицепов земли за лето надо было перетаскать. В резиновых сапогах стоял в воде, мыл эту землю, чтобы определить, сколько корней оставляет культура, сколько в них питательных веществ. А потом всю зиму опыты проводил в лаборатории.

— **Семья вас, Петр Иванович, почти не видела, наверное?**

— Почти. Докторскую писал — 20 лет без отпуска, без выходных, до глубокой ночи каждый день. И лопатой навоз грузил, и чего только не было.

— **Ну, сейчас-то посвободнее!**

— Да, но придерживаюсь принципа: движение — жизнь. Надо шевелиться! Вот с женой, к примеру, ездим на велосипедах на дачу. Она, кстати, там у меня главный агроном! А по образованию — биолог-зоолог. В целом доволен жизнью, судьбой. Вырастили двух дочерей, обе педагоги. Старшая пошла по нашим стопам — биолог. Внуки взрослые уже. Кстати, у отца моего было 7 сыновей, и теперь природа компенсирует: у меня — только девочки!

Наталья ЕРЕМИЧ

Фото автора